

References

1. Baker E. W. *The Devil of Great Island: witchcraft and conflict in early New England* / E. W. Baker. – N.Y. : Palgrave MacMillan, 2007.
2. Fowler W. W. *Woman on the American Frontier: a valuable and authentic history of the heroism, adventures, privations, captivities, trials, and noble lives and deaths of the «pioneer mothers of the Republic»* / W. W. Fowler. – Detroit : Gale, 1974.
3. Furbee M. R. *Outrageous Women of the American Frontier* / M. R. Furbee. – N.Y. : John Wiley & Sons, 2002.
4. Geis G. *A Trial of Witches: a seventeenth-century witchcraft prosecution* / G. Geis. – N.Y., 1997.
5. Jeffrey J. R. *Frontier Women: The Trans-Mississippi West, 1840–1880* / J. Jeffrey. – N.Y. : Hill and Wang, 1979.
6. Luchetti C. *Women of the West* / C. Luchetti. – St. George, Utah : Antelope Island Press, 1982.
7. Miller S. C. *A sweet, separate intimacy: women writers of the American frontier, 1800–1922* / S. Miller. – University of Utah Press, 2000.
8. Myres S. L. *Westering Women and the Frontier Experience, 1800–1915: Histories of the American Frontier* / S. L. Myres. – Albuquerque : University of New Mexico Press, 1986.
9. Peavy L. S. *Pioneer Women: The Lives of Women on the Frontier* / L. S. Peavy, U. Smith. – Norman, Oklahoma : University of Oklahoma Press, 1996.
10. Turner F. J. *The Significance of the Frontier in American History* / F. J. Turner. – Readex Microprint, 1893.
11. Westerkamp M. J. *Women and Religion in Early America, 1600–1850. The Puritan and Evangelical Traditions* / M. J. Westerkamp. – N.Y., 2005.

СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ КАСПИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА¹

Хлыщева Елена Владиславовна, доктор философских наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: culture_mar@mail.ru

Анализ региональной культурной модели нацеливает на изучение глубинных возможностей региона, который становится основным действующим фактором в пространстве глобализирующегося мира. Каспийское море сегодня – это важная геополитическая, экономическая, экологическая, культурная зона, природная граница между Европой и Азией. Здесь создается новое региональное образование, где причудливо переплетаются культура и интересы многих народов, вынужденных искать способ не сталкивать свои интересы друг с другом, а взаимодействовать.

Ключевые слова: регионализм, региональная культурная модель, Каспийский регион, Каспийская «пятерка», «Каспийская идеология»

THE FORMATION OF REGIONAL CULTURAL MODEL OF THE CASPIAN AREA

Khlysheva Elena V., Ph.D. (Philosophy), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: culture_mar@mail.ru

This article gives the analysis of the regional cultural model in order to study the deepest capacity of the region, which becomes the main effective factor in the space of a globalizing world. Caspian Sea today – is an important geopolitical, economic, ecological, cultural zone, the natural boundary between Europe and Asia. This creates a new regional grouping, where cultures and interests of many people intertwine and provide them to find a way to interact with each other and never to push their interests.

Keywords: regionalism, regional cultural model, the Caspian region, the Caspian "five", "Caspian ideology"

---

¹ Статья выполнена при поддержке Минобр., проект № 6.2147.2011 «Проблемы сохранения культурной безопасности Прикаспия».

Интерес к проблеме регионов в современном мире связан с глобальными процессами, приводящими к изменению соотношения между глобальными и региональными составляющими мирового сообщества. Современные процессы регионализации – это процессы преобразования социокультурного пространства из монокультурного в поликультурное, гетерогенное, отличающееся многообразием количественных, и качественных характеристик регионов. Анализ региональной культурной модели нацеливает на изучение глубинных возможностей региона, который становится основным действующим фактором в пространстве глобализирующегося мира.

Обращение к изучению культурных моделей отдельных регионов объясняется и тем, что именно здесь «многообразие связей типологически подобно глобальному, но в силу локализованности во времени и пространстве носит более очевидный характер» [6, с. 61]. Являясь определенной физико-географической и политико-экономической данностью, регион выявляет свою специфическую сущность в первую очередь как социокультурная единица, поэтому региональные модели в своем большинстве проявляют специфические формы культурной интеграции на локальном уровне. Такие модели локализуют регион как «территорию и общность» [7, с. 44]. В данном ракурсе можно рассматривать и сам регион в качестве одной из возможных моделей развития отдельной территории мирового пространства, ориентированной на сохранение локальной культурной специфики.

Региональная культурная модель складывается как результат взаимодействия этносов, проживающих в данном регионе и вырабатывающих за длительный период совместной жизнедеятельности множество общих элементов в хозяйственной деятельности, общественном и семейном быте, культурных ценностях, характерных для всего региона как историко-культурной общности¹. Региональное сообщество по преимуществу полиэтнично, а потому создает свои формы единства в многообразии, наглядно проявляя поликультурную модель, где под влиянием определенных факторов этнические культуры сплавляются в новое образование, не теряя при этом ядра своей специфики. Характер ландшафта определяет особенности ведения хозяйства, принципы взаимодействия с соседями и многие иные факторы, которые «самым непосредственным образом влияют на особенности психического склада этнических групп и их картину мира» [4, с. 36]. В современном научном познании регион рассматривается как уникальное локальное единство времени и пространства, которому свойственна внутренняя самодостаточность. Регион как социокультурное пространство является многослойным в силу многогранности своей культуры, а потому обладает признаками целостности, включающей политическую, экономическую, информационную и культурную составляющие.

Культурная целостность формируется и соответственно определяется типом культуры и «доминирующим укладом и стилем жизни, детерминированным и природно-географическими условиями региона, и его этническим составом, и преобладающими в нем типами деятельности, и т.п.» [8, с. 34]. Регион всегда самодостаточен и самобытен, т.е. обладает «внутренним социокультурным кодом» [5, с. 48–49], который интегрирует местную трансформацию природно-географических, геополитических, геоэкономических и других признаков и является доминирующим фактором выделения региона.

Культурно-философская трактовка рассматривает регион как «особый микрокосм с нечеткими границами, жители которого обладают особым менталитетом» [3, с. 9]. Такое видение подобно определению Ф. Броделя, считающему регион «аналогом особого мира с присущим только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением» [2, с. 41]. Будучи таковым в реальности, регион включает представления определенной группы людей, населяющих данную территорию, о своем Локусе, его взаимоотношениях с Центром, государством в

---

¹Историко-культурная общность – территориальная общность, сформировавшаяся в процессе длительного развития и выработавшая собственный цивилизационный (социокультурный) код.

целом, другими регионами, формируя на этой основе определенную модель жизни, ценностных ориентаций и поведения. Сложные совокупности «правил жизни», ценностных норм разнятся от региона к региону.

Однако глобализационный процесс условием выживания ставит необходимость взаимодействия стран и народов. Когда процессы регионализации в различных сферах и на разных уровнях усиливаются и сводятся к плоскости внутри одного географического ареала, способность отдельных частей к сцеплению возрастает. Такой процесс описывается при помощи термина «региональность», что означает «успешный порядок регионального пространства, системы, общества, общности» [11, р. 270]. Усиление региональности означает трансформацию географического ареала от пассивного объекта к активному субъекту, способному к выражению транснациональных интересов появившегося региона.

Уровень региональности определяет внутреннюю сплоченность региона и степень региональной идентичности. Б. Хеттне выделяет пять таких уровней: 1) региональное пространство, представляющее собой географическую территорию, ограниченную естественными физическими барьерами, на которой происходят элементарные демографические процессы; 2) региональный комплекс, предполагающий расширение транслокальных связей между группами людей, обеспечивающих региональную стабильность; 3) региональное общество, организованное в культурном, экономическом, политическом или военном пространствах; 4) региональное сообщество, где сформированная институциональная структура облегчает социальные коммуникации и конвергенцию ценностей внутри региона; 5) региональная институционализованная политика, являющаяся активным субъектом с четко выраженной идентичностью и легитимностью [13, р. 8].

Надо, однако, отметить, что представленная типология более всего подходит для макрорегионов, каким и является регион Прикаспия.

Выявляют три главных уровня регионализма:

- трансрегионализм, представляющий институты и организации, выполняющие связующие функции между регионами;
- интеррегионализм, связывающий регионы на формальном уровне;
- мультирегионализм, опирающийся при конструировании формы мирового порядка на кросскультурное множество [12, р. 310].

При этом в действительности все эти уровни смешиваются между собой и создают «гибридные» формы. На сегодняшний день освоенным можно считать только трансрегиональный уровень, в то время как интеррегионализм, не говоря уже о мультирегионализме, представляют долгосрочный, но неопределенный тренд, где встречается множество препятствий, последствия которых предсказать крайне затруднительно. И, тем не менее, по мнению М. Фаррелл, именно интеррегионализм может рассматриваться как «форма, наиболее соразмерная процессам глобализации» [11, р. 279].

Помимо макрорегионализации, приводящей к межнациональной интеграции на глобальном уровне, идут процессы микрорегионализации, занимающие уровни местного значения и знаменующие определенное обособление в глобальном пространстве, хотя, соприкасаясь с глобальными процессами, невозможно сохранить региональную «чистоту» и оставаться на прежнем уровне развития.

В Каспийском регионе в конце XX века была создана поликультурная модель внутреннего пространственного развития, где именно регионы должны обеспечивать глобальную конкурентоспособность. Главной целью таких взаимоотношений было стремление достижения взаимовыгодного сотрудничества путем расширения сфер взаимодействия и образование по периметру Каспия «пояса добрососедства» [11, р. 280]. «Новый регионализм» не ограничивается рамками национального государства, регионы в своем развитии непременно достигают этапа, когда «необходимость в кооперации выходит на первое место» [12, р. 47]. Это более сложный порядок, при котором государства лишаются своей посреднической монополии и способности контролировать собственные пространственные экономики. Регионы по-

прежнему участвуют во взаимодействии со своими государствами, но у них также имеются прямые связи с международными режимами и с глобальным рынком. Очень важен имидж региона как «динамично развивающегося образования» [10, с. 42]. Ценностью такого типа регионализма является высокая степень интеграции.

Конечно, проблемы политического устройства страны и региона важны, однако они носят достаточно временной характер и существуют факторы гораздо более важные, исторически укорененные, не подвластные мимолетным прихотям политических элит. На первый план выходит культурная регионализация, которая акцентирует внимание на процессе развития культурных моделей регионов и субрегионов, отличающихся социокультурными особенностями.

В жизни любого региона действуют одновременно постоянные и переменные факторы, определяющие степень устойчивости или возможность изменения архетипа региональной культуры, что отражается на выборе культурной модели. Поэтому, анализируя функционирование культурной модели региона, необходимо учитывать особенности его исторической эволюции, чтобы дать интегрированную во времени и пространстве культурно-историческую характеристику взаимосвязанных объектов культуры. Кроме того, региональное пространство обладает границами, которые не только выполняют функцию размежевания территории, но и несут культурно-смысловую нагрузку. Например, Каспийский регион расположен на границе Европы и Азии, что несомненно сказывается на восприятии и организации всей жизни региона.

Каждое социокультурное пространство формирует особые человеческие типы и стили поведения, наделяя людей, населяющих его, «чувством особого переживания пространства» [1, с. 237]. Складывается региональная система ценностей, находящая свое выражение в формировании социальных мифов, оказывающих определяющее влияние на жизнь региона. Именно в этом смысле можно говорить о появлении региональной культуры, вбирающей в себя «большие» и «малые» ценности, присущие местным общинам.

Поэтому для анализа региональных культурных моделей необходимо:

- 1) исследовать воздействия устойчивых и экстремальных факторов на специфику складывания регионального социокультурного потенциала;
- 2) выявить территориальные особенности духовной сферы жизни общества, их детерминированность природно-климатическими условиями и полиэтнофункциональными характеристиками населения данной территории;
- 3) постоянно соотносить историю и современность региона;
- 4) определить роль города (административного центра) в региональных процессах;
- 5) рассмотреть существенные характеристики регионального самосознания (самодентификации), начиная от исходного археологического уровня до современности;
- 6) исследовать региональную специфику, соотношение «Центр – периферия» и установить связь истории региона с историей страны;
- 7) найти и обосновать существующие в регионе базовые общечеловеческие ценности, которые могут стать основой для взаимодействия разных народов на территории региона, всей страны и всего мирового сообщества.

Региональная история в мифах показывается и интерпретируется через образы особой миссии региона и его населения в истории страны, а возможно и мирового сообщества. Это во многом объясняет существующие различия между народами, что обусловлено их положением в пространстве и отражением этого пространства в региональном самосознании. У каждого народа возникают свои представления о пространстве, своя реакция на расстояния, на разнообразие ландшафтов и т.д. В Нижнем Поволжье прослеживаются тюркский, персидский, татарский, калмыцкий, казахский, армянский, русский и другие лингвистические пласты, нашедшие отражение в топонимах и повседневной речи обитателей данного ареала. Здесь четко просматривается смешение языков и наречий, что говорит об ассимилятивных процессах, проходивших на берегах Каспийского моря.

Каспийское море имеет богатую историю, упоминается во многих классических источниках древности. Оно было свидетелем смертельных схваток племен, расцвета и падения империй и великих городов. Уже в V веке до нашей эры Геродот называл Каспий «морем Каспиев», созвучно с жившим на его берегах народом Закавказья. Этот этноним и сегодня сохранился в названиях некоторых населенных пунктов (г. Каспи в Грузии). Одно из древнейших названий моря – Джурджанское (этноним Грузии). По-разному называли море арабские источники: Мазендаранское, Абескунское, Казвинское. В средние века в Европе Каспий называли Бакинским, а на Руси – Хвалынским морем. У Афанасия Никитина встречается иное название – Дербеньское. В XV–XVI вв. в Европе утвердилось современное название – Каспийское море. Персы величали Каспий «Кульзум», калмыки – «Коке-Тенгиз» (Синее море). Иногда встречается наименование Хазарское море. В Иране это название сохранилось до сих пор – Дарьян Хазар.

Во все времена этот водоем как природная граница между Европой и Азией был важным связующим звеном между ними. Он открывал дверь Европе во внутреннюю Азию, отделенную пространствами пустынь и горных хребтов. Сам же Каспий долгое время оставался малоисследованным морем, таящим много загадок. Сегодня Каспий – это важная геополитическая, экономическая, экологическая, культурная зона, в которой «мир и согласие» является не политической абстракцией, а насущной необходимостью, продиктованной интересами проживающих здесь народов.

Каспийская «пятерка» – Туркменистан, Азербайджан, Иран, Казахстан и Россия – имея четкие позиции, отражающие национальные интересы, стремятся прийти к «каспийскому диалогу», понимая, что Каспийский бассейн – это «важнейший стратегический регион, и налаживание здесь полноценного партнерства и взаимодействия отвечает их долгосрочным интересам» [9]. В первую очередь, речь идет об обеспечении на Каспии прочной и долгосрочной системы безопасности и стабильности. В этом вопросе все прибрежные государства декларируют единство и убежденность в неприемлемости возникновения здесь конфликтных ситуаций. С этой целью создан и действует постоянный переговорный механизм – Специальная рабочая группа (СРГ) по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств.

Немаловажная роль принадлежит в каспийской зоне научному сообществу государственных университетов прикаспийских стран, в 1996 году объединивших свои усилия на развитие совместных образовательных проектов, научных программ по проблемам Каспийского моря, культурного сотрудничества с учетом экономических, экологических, этнических, культурных особенностей прикаспийских государств. В результате была создана Ассоциация государственных университетов прикаспийских стран (АГУПС), учредителями которой стали 9 университетов всех прикаспийских государств, определивших основные направления деятельности Ассоциации.

Одним из приоритетных направлений деятельности Ассоциации является изучение языков народов прикаспийских государств в университетах – членах Ассоциации как важнейший механизм знакомства соседей по региону с историей, культурой и национальными традициями своих народов. В настоящее время в Астраханском государственном университете (АГУ) на факультете иностранных языков готовят переводчиков персидского языка, в Астраханском государственном техническом университете (АГТУ) преподаются персидский и казахский языки факультативно. В Гилянском университете (Иран) студенты АГУ и АГТУ регулярно проходят стажировки по персидскому языку. В Гилянском и Горганском университетах ведётся преподавание русского языка, аспиранты обоих вузов проходят стажировки по различным специальностям на русском языке в астраханских Вузах.

В рамках Ассоциации проводятся международные спортивные игры студентов университетов прикаспийских государств. Первые игры прошли в сентябре 2000 г. в г. Астрахани (Россия), вторые – в г. Атырау (Республика Казахстан) в сентябре 2002 года, третьи – в г. Решт (Исламская Республика Иран) в 2004 году, четвертые – в

2007 г. в Астрахани (Россия), пятые – в 2010 г. в Махачкале (Россия). Очередные, шестые Международные спортивные игры студентов университетов прикаспийских государств по решению XV Ассамблеи пройдут в сентябре 2013 г. в г. Актау (Казахстан), а Каспийский государственный институт технологии и инжиниринга им. Ш. Есенова станет хозяином XVI Генеральной ассамблеи АГУПС.

Общих интересов у каспийских стран много. Многовековое историческое взаимодействие составляет основу современного сотрудничества. Каспий может и должен сыграть важную роль в связывании ресурсов Евразии с мировыми рынками, что позволит странам региона возродить новый Великий шелковый путь, который правильнее будет называть "Великим каспийским". Торгово-экономическое, энергетическое и экологическое партнерство на Каспии – обязательный фактор стабильности более широкого азиатского региона.

Регулярные встречи на высшем уровне, ежегодные каспийские саммиты, создание Организации каспийского экономического сотрудничества укрепляют общий для всех стран дух «каспийской дружбы». На третьем саммите прикаспийских государств в Баку в 2010 году президенты пяти стран договорились, что саммит станет ежегодным. Стороны пришли к соглашению согласовать ширину национальной зоны каждой из стран на Каспии и согласились с мораторием на вылов осетровых. Еще одним достижением стало подписание главами пяти государств соглашения о сотрудничестве по безопасности на Каспии, основанного на заявлении лидеров прикаспийских государств о том, что обеспечение безопасности в регионе является исключительно их прерогативой.

Каспийское море создало новый регион, где причудливо переплетаются культура и интересы многих народов, объединенных одним желанием – эффективно использовать ресурсы моря и тем самым обеспечить свою безопасность и всестороннее развитие. Возможно, что именно сейчас, на наших глазах, создается цельная «Каспийская идеология», объединяющая регион в единое целое, которая будет в немалой степени определять движение мировой истории в ближайшие десятилетия. Поэтому поиски оптимального сотрудничества в каспийском формате продолжаются, и государства должны найти способ не сталкивать свои интересы друг с другом, а взаимодействовать.

Список литературы

1. Беспалова Ю. М. Региональная культура в социокультурном пространстве России / Ю. М. Беспалова ; под ред. Яблонской. – Тюмень, 1999.
2. Бродель Ф. Время мира / Ф. Бродель. – М., 1992.
3. Бусыгина И. М. Концептуальные основы европейского регионализма / И. М. Бусыгина // Регионы и регионализм в Западной Европе и России / под ред. Р. Ф. Ивановой. – М. : РАН, 2001.
4. Костина А. В. Культурная политика современной России: соотношение этнического и национального / А. В. Костина, Т. М. Гудима. – М. : Издательство ЛКИ, 2007.
5. Левинтов А. Е. От района к региону: на пути к хозяйственной географии / А. Е. Левинтов // Вопросы методологии. – 1991. – № 3.
6. Мурзина И. Я. Методологические аспекты изучения региональной культуры / И. Я. Мурзина // Социологические исследования. – 2004. – № 2.
7. Регионы и регионализм в странах Запада и России / под ред. И. М. Бусыгиной, Р. Ф. Ивановой. – М. : РАН, 2001.
8. Солодкая М. С. Методологические основания, социальные идеалы и пути обеспечения надежности социотехнических систем управления / М. С. Солодкая // Credo. – 2002. – № 1.
9. Формула каспийского взаимодействия // Туркменистан. – 2010. – № 12 (69). – Режим доступа: <http://www.turkmenistaninfo.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
10. Яровой Г. О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европею / Г. О. Яровой. – СПб. : Норма, 2007.
11. Farrell M. Global Politics of Regionalism: theory and practice / M. Farrell, B. Hettne, L. Van Langenhove. – London : Pluto Press, 2005.
12. Fawcett L. Regionalism in World Politics / L. Fawcett, A. Hurrell. – Oxford : Oxford University Press, 1995.
13. Hettne B, Inotai A. The new regionalism: implications for global development and international security / B. Hettne, A. Inotai. – Helsinki : The United Nations University, 1994.

References

1. Bespalova Ju. M. Regional'naja kul'tura v sociokul'turnom prostranstve Rossii / Ju. M. Bespalova ; pod red. Jablonskoj. – Tjumen', 1999.
2. Brodel' F. Vremja mira / F. Brodel'. – M., 1992.
3. Busygina I. M. Konceptual'nye osnovy evropejskogo regionalizma / I. M. Busygina // Regiony i regionalizm v Zapadnoj Evrope i Rossii / pod red. R. F. Ivanovoj. – M. : RAN, 2001.
4. Kostina A. V. Kul'turnaja politika sovremennoj Rossii: sootnoshenie jetnicheskogo i nacional'nogo / A. V. Kostina, T. M. Gudima. – M. : Izdatel'stvo LKI, 2007.
5. Levintov A. E. Ot rajona k regionu: na puti k hozjajstvennoj geografii / A. E. Levintov // Voprosy metodologii. – 1991. – № 3.
6. Murzina I. Ja. Metodologicheskie aspekty izuchenija regional'noj kul'tury / I. Ja. Murzina // Sociologicheskie issledovanija. – 2004. – № 2.
7. Regiony i regionalizm v stranah Zapada i Rossii / pod red. I. M. Busyginov, R. F. Ivanovoj. – M. : RAN, 2001.
8. Solodkaja M. S. Metodologicheskie osnovanija, social'nye idealy i puti obespečenija nadezhnosti sociotekhnicheskikh sistem upravlenija / M. S. Solodkaja // Credo. – 2002. – № 1.
9. Formula kaspijskogo vzaimodejstvija // Turkmenistan. – 2010. – № 12 (69). – Rezhim dostupa: <http://www.turkmenistaninfo.ru>, svobodnyj. – Zagl. s jekrana. – Jaz. rus.
10. Jarovoj G. O. Regionalizm i transgranichnoe sotrudnichestvo v Evropeju / G. O. Jarovoj. – SPb. : Norma, 2007.
11. Farrell M. Global Politics of Regionalism: theory and practice / M. Farrell, B. Hettne, L. Van Langenhove. – London : Pluto Press, 2005.
12. Fawcett L. Regionalism in World Politics / L. Fawcett, A. Hurrell. – Oxford : Oxford University Press, 1995.
13. Hettne B, Inotai A. The new regionalism: implications for global development and international security / B. Hettne, A. Inotai. – Helsinki :The United Nations University, 1994.

**В РУСЛЕ ВЕКОВЫХ ТРАДИЦИЙ:
РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ НА АРМЯНСКОЙ ЗЕМЛЕ**

Багдасарян Роберт Андраникович, доктор филологических наук, главный специалист управления по связям с общественностью Национального собрания Республики Армения

0033, Республика Армения, г. Ереван, проспект Комитаса, 12, кв. 62
E-mail: 20947@rambler.ru; robagd@mail.ru

Приорова Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, доцент

Астраханский государственный университет
410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: irinapriorova@yandex.ru

Лебедева Ирэна Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент
Астраханский государственный университет
410056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: irenalebedeva@mail.ru

В статье рассматриваются исторические вехи динамики развития научных изысканий и научно-практических исследований в сфере русско-армянских литературных и культурологических взаимоотношений в Армении на протяжении последних пятидесяти лет, имеющих исключительное значение и являющихся тем образцом огромной работы гуманитарной важности, который вносит свою лепту в межнациональные и межгосударственные связи.

Ключевые слова: пропаганда русской литературы и культуры в Армении, Армянское общество культурных связей, Общество дружбы «Армения-Россия», русские писатели, национальные литературы, В. Брюсов, Н. Гоголь, А. Чехов, Л. Толстой, М. Лермонтов, Н. Некрасов, А. Пушкин, Россия, Армения, Грузия